

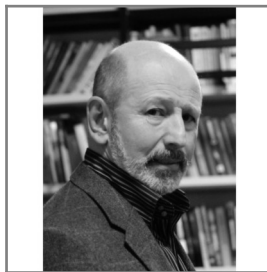
Философия науки: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ

Касавин Илья Теодорович – доктор философских наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: itkasavin@gmail.com

Порус Владимир Натанович – доктор философских наук, профессор. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4; e-mail: vporus@rambler.ru

Статья посвящена выявлению и анализу экзистенциальных измерений науки, т.е. зависимости сознания, деятельности и коммуникации ученых от особых форм научной культуры – смыслжизненных универсалий (экзистенциалов). Намечаются контуры проблемного поля экзистенциальных вызовов, укоренных в реальном бытии современной науки, в кризисе просвещенческой идеи научного прогресса, в рассогласовании норм и идеалов ученых с повседневными представлениями и потребностями. Истоки теоретической формулировки экзистенциальных проблем науки обнаруживаются в дилемме профессии и призвания (М. Вебер). Это контроверза, проблематизирующая взаимоотношение между стремлением ученого к объективному знанию, с одной стороны, и человекообразностью научной деятельности и коммуникации, с другой. Вычлениются типы экзистирования, или пограничные ситуации в науке, в которых переживания ученых упорядочиваются и проблематизируются по отношению к архетипическим ценностям – свободе, объективности, творчеству, рациональности, истине, успеху, а также в отношении к таким онтологическим категориям, как пространство и время, обнаруживающим ценностную нагруженность. Субъектное измерение науки, в котором человек проявляет себя как преодолевающее личностные коллизии, свободное и мыслящее существо, квалифицируется как предмет формирующегося направления исследований – экзистенциальной философии науки.

Ключевые слова: экзистенциальная философия науки, смыслжизненные ценности, пограничные ситуации, дилемма Вебера, типы экзистенциальных ситуаций в науке, экзистенциальный поворот

PHILOSOPHY OF SCIENCE: AN EXISTENTIAL TURN

Ilya T. Kasavin – DSc
in Philosophy, Correspondent
Member of the Russian
Academy of Sciences,
Head Research Fellow.
Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences.
12/1 Goncharnaya St.,
Moscow, 109240,
Russian Federation;
e-mail: itkasavin@gmail.com

Vladimir N. Porus – DSc
in Philosophy, Professor.
National Research University
"Higher School of Economics".
21/4 Staraya Basmannaya St.,
Moscow, 105066,
Russian Federation;
e-mail: vporus@rambler.ru

The article is dedicated to the identification and analysis of existential dimensions of science, i.e., the dependence of consciousness, activity and communication of scientists on special forms of scientific culture – life-meaning universals (existentials). The article outlines the contours of the problem field of existential challenges rooted in the real life of modern science, in the crisis of the Enlightenment idea of scientific progress, in the mismatch of the norms and ideals of scientists with everyday ideas and needs. The origins of the theoretical formulation of the existential problems of science are found in the dilemma of profession and vocation (M. Weber). This is a controversy that problematizes the relationship between the scientist's desire for objective knowledge, on the one hand, and the human dimension of scientific activity and communication, on the other. The article singles out the particular types of existing, or boundary situations in science, in which the experiences of scientists are ordered and problematized in relation to archetypal values – freedom, objectivity, creativity, rationality, truth, success, as well as in relation to such ontological categories as space and time, which reveal their value-ladenness. The subjective dimension of science, in which a personality manifests herself as overcoming internal conflicts, a free and thinking being, qualifies as the subject of an emerging research trend – the existential philosophy of science.

Keywords: existential philosophy of science, life-meaning values, boundary situations, Weber's dilemma, types of existential situations in science

Проблемное поле

Философия науки постепенно выходит за пределы методологических дискурсов и споров о научной рациональности. Ее нынешние границы относительно подвижны и служат, скорее, мембранами, разделяющими и соединяющими эту область философского исследования с содержанием и методами *специальных наук о науке*. Вместе с тем происходит и ее взаимодействие с другими философскими дисциплинами, в том числе с *философией культуры* и *экзистенциальной философией*.

Тому есть причины, укорененные в современной реальности. Прежде всего, это сомнение в такой интерпретации истории, когда современность принимается за неизбежное следствие из прошлого и логически реконструируемое основание будущего. Уверенность, что, по крайней мере, в истории культуры «все идет к лучшему», т.е. происходит *прогресс*, отвечающий упованиям близких к современности поколений, полагается иллюзией. Идея прогресса пока

устойчива в сфере научных и научно-технических движений, где многое зависит от почтительности к истинному знанию и полезности технических новаций. Но и здесь современность расставляет свои акценты, вопрошая об адресате, субъекте, который нуждается в прогрессе, оценивает или отрицает его.

Философы науки, улавливая эти акценты, не настаивают на том, что НТП представляет собой кумуляцию успехов; все чаще фиксируется прерывность и даже несоизмеримость его «ступеней». Но главная причина падения веры в его благотворность заключается в *несоответствии* между вызовами, идущими от профессиональных интересов ученых и изобретателей, и «нормальными» интересами большинства людей (выживание, покой, телесный и душевный комфорт, преемственность жизненных паттернов и пр.). Оно резко проявляется во время природных, политических, военных и экономических кризисов: когда трясется земля, банкротятся банки, падают бомбы, людям не до восторга от прогресса научных знаний и технических новаций.

Кризисы не уничтожают надежды на НТП, но прессуют самосознание, провоцируя когнитивные диссонансы. Подрыв «доверия к истории» влечет сомнения в *оправданности* настоящего. Зримые плюсы предстают эфемерными, а минусы болезненно переживаются и деформируют образ жизни тревожным ожиданием перемен. Усиливается скепсис по отношению к теоретизированию: «все теории стоят друг друга», как говорил Вольтер, они забавляют ум, но в житейских делах приходится доверять очевидности, хотя и она обманчива. Да и факты не проясняют ни настоящего, ни будущего, их много, и они слишком разные, поэтому остается верить обыденному опыту, примиряясь с его ограниченностью.

Затрагивает ли подобный скепсис науку, расшатывая веру в ее культурное мессианство? Современность – океан событий и информации, дрейфовать в котором приходится на свой страх и риск, рискуя подвергнуться манипуляциям. И если все еще живучи методологические нарративы о сверхнадежных средствах навигации в науке, то их повторяют без былого энтузиазма. В то же время люди, так или иначе связанные с наукой и размышляющие о ней, бывают увлечены идеей *случайности* событийных цепей (под которую естествознание как будто подкладывает рассуждения об индетерминизме, господствующем в основаниях природы или в наших знаниях об этих основаниях). Эту идею можно поместить в теоретический резервуар и там критически разрабатывать, но она выплескивается из него в культурный контекст, подпитывая в нем неопределенность надежд на успешное житейское целеполагание.

Философия науки, игнорирующая этот культурный контекст, не была бы философией. Поэтому она пытается проникнуть в суть переживаний, сопровождающих работу ученых, их духовный и жиз-

ненный опыт, чтобы понять, какое воздействие они оказывают на ход и плоды этой работы. В этих попытках она сталкивается с *экзистенциальными проблемами*, сплетенными с размышлениями о динамике научных теорий, о способах рациональной оценки этой динамики, с проблемой выбора фундаментальных теорий или направлений развития науки. Оживляется интерес к роли личности ученого, отношений в сообществе, к запутанному ходу исследовательских процессов, что сообщает философии науки новую содержательную перспективу. Ее уже начинают именовать «экзистенциальной философией науки» [Касавина, 2022].

Нам не удалось обнаружить в современной западной философии прямую аналогию подобной перспективы, т.е. публикаций, посвященных специальному исследованию экзистенциальных проблем, возникающих в процессе научного исследования и коммуникации. Вместе с тем экзистенциалистские идеи по поводу природы человека, познания, коммуникации активно проникают в постмодерное философствование, изменяя его аналитико-натуралистическую направленность. В этом направлении высказывали идеи Ж.-Ф. Лиотар, М. Фуко, Ж. Деррида, П. Фейерабенд, Р. Рорти и многие другие. В современной философии сознания аналогичным образом происходит отход от компьютерных метафор и предлагается близкая экзистенциалистской программа «Зе»: воплощенного в теле, реализуемого в жизненном мире и активного сознания (*embodied, embedded, enactive mind*) [Fuchs, 2018; Gallagher, 2005]. Проблема субъекта познания как живого, переживающего существа с уникальной перспективой первого лица также начинает привлекать внимание [Zahavi, 2005]. Наконец, исследования в рамках пост- и трансгуманизма прямо позиционируют возможность технологического бессмертия человека как экзистенциальную проблему [Buben, 2002]. В значительной мере эти исследования демонстрируют отказ от концепции сознания как отражения и понимание субъекта познания как способа бытия-в-мире, для которого вещи являются не сами по себе, а в контексте их использования, обработки и целенаправленной, осмысленной роли в повседневной жизни.

Контроверза современной науки

В подоплеке этих трансформаций есть основания усматривать контроверзу самосознания современной науки. С одной стороны, она представлена «человекоразмерностью» научного знания, т.е. необходимостью выстраивать исследование и оценивать знания в соответствии с мировоззренческими ценностями, в том числе ценностями морали. С другой стороны, эта контроверза возникает на фоне эписте-

мических принципов науки (истинность, объективность, рациональность), призывающих очищать научное знание от всего, что им не соответствует, иными словами, к элиминации субъективных интересов и установок, сопровождающих исследование научной предметности.

Контроверза проявляет себя в двух планах. Она может осознаваться как противоречие между элементами системы ценностей, разделяемых научным сообществом. В этом плане противоречие (попытки его разрешения) имеет и конструктивный потенциал: реальность науки такова, что ей приходится отлаживать эту систему, допуская компромиссы, которые испытываются практикой. В другом плане контроверза внедряется как трещина в структуру личности и ее отношений с другими людьми. Ее можно завесить риторическими штампами, но нельзя скрыть от рефлексии. Тогда контроверза переживается как *личностная и социальная травма*, сказывающаяся на результатах и оценках работы ученого.

Оба плана взаимодействуют: совмещая, благодаря компромиссам, ценностно противоречивые ориентиры своей деятельности, чтобы обеспечить продвижение к намеченным целям, ученый в то же время может стать «духовным инвалидом». Это означает разрушение целостности нравственных и практических ориентаций ученого, в то время как успешность исследования далеко не всегда способна «залечивать душу». Изъяны интеллектуальных конструкций исправлять нелегко, но душевные травмы рубцуются еще труднее. Эту ситуацию впервые описал Жюль Верн в своих романах о непризнанных ученых, ставших злыми гениями («Флаг Родины»).

Конечно, не одними контроверзами и душевными разладами определяется процесс *экзистирования*. Будь это так, деятельность ученого была бы попыткой совершить невозможное. Интеллектуальный комфорт единомыслия с коллегами, особенно с теми, чье лидерство он признает, сознание своей сопричастности общим успехам и своей способности содействовать им, удовлетворенность от достижения целей – все это, безусловно, стимулирует его творчество. Такие переживания способны балансировать внутренний мир ученого, подвергаемый стрессовым воздействиям. Каковы условия, при которых баланс осознается как *подлинность*, соответствующая *призванию* ученого, или как вынужденный компромисс, обеспечивающий его пригодность к *профессии*? Этот вопрос имеет очевидную философскую значимость.

Постановка такого вопроса в философии науки позволяет выяснить, в какой мере научная среда может быть полем *экзистенциальной коммуникации*. Пусть этот термин означает общение (профессиональное и личностное) ученых, определяемое *идеалами и нормами*. Их происхождение не сводится к обычным для коллективной деятельности конвенциям, обеспечивающим успешность работы, но включает в себе апелляцию к *универсальной сверхценности, к абсолюту, как*

сказал бы П. Тиллих. Тогда служение такому идеалу определяло бы статус личности, а отступление от него осознавалось как ущербная неподлинность.

Это лишь внешне напоминает идею К. Ясперса: он предлагал «общение-в-истине» индивидов, осознавших ненужность всего неподлинного, не совпадающего с уникальностью экзистенции, как терапию, спасающую их от безнадежного одиночества. Здесь же речь о том, что ученые могли бы, так сказать, «вынести за скобки» свою личностную уникальность, отождествляя свою *подлинность* со стремлением к сверхцеленной цели.

Например, такой сверхценностью для ученого, полагал К. Поппер, является не идеал «абсолютной истины», в сущности, недостижимый, а то, что выражается идеей *научной рациональности*, с помощью которой описываются приключения науки в «третьем мире» объективного знания. Там принят такой же порядок, как и в живой природе, где господствуют мутации и естественный отбор. Теория зачисляется на службу для объяснения фактов и увольняется, если не справляется со своими обязанностями, или уступает своим конкурентам, не будучи способна модифицироваться при встрече с опровержениями. Но на деле зачисление и увольнение осуществляет не безличный Ratio, а живые люди, возможно, породившие теорию или приложившие усилия к ее развитию, связавшие с нею свои творческие надежды; расставание может стать причиной тяжелых переживаний и «душевных травм», трудно врачуемых рациональной критикой.

Что же тогда говорить о возможном разладе внутреннего мира ученого, осознавшего, что проникновение в тайны мироздания чревато катастрофой – не только интеллектуальной, связанной с распадом привычной картины мира, но и физически реальной, например, угрожающей гибелью земной цивилизации? О том, что такой конфликт реален, свидетельствуют многочисленные эмпирические данные: автобиографии, дневники, интервью ученых и работы, в которых проведены некоторые обобщения в отношении мемуаров ученых. Об этом пишут исследователи в области психологии научного творчества [Ярошевский, 1995], социологии науки [Вебер, 1990, с. 731; Гильберт, Малкей, 1987]. В то же время некоторые средства концептуализации этого материала можно найти у философов [Ильенков, 1971; Лекторский, 1994; Юдин, 2018]. Проблематику, которую они затрагивают, мы обозначаем как связь экзистенциальных переживаний ученых с выбором путей научного исследования и оценкой его результатов.

Дилемма Макса Вебера

М. Вебер подчеркивал, что ученый, осознавший свое призвание как основание своей профессии, поставлен перед необходимостью такого выбора. Будучи профессионалом, ученый не должен пребывать в плену у морально-философических размышлений о «смысле мира» или уповать на пророчества, подсказывающие правильный выбор, ибо «наука есть профессия, осуществляемая как специальная дисциплина и служащая делу самосознания и познания фактических связей», – не менее, но и не более того. Конфликт между профессионализмом и ценностными ориентациями, считал Вебер, не разрешается неким вмешательством извне; ученый должен знать, что «его судьба – жить в богочуждую, лишенную пророка эпоху», и это значит, что его «душевная травма» интимна, она не может быть залечена или предотвращена социально-культурной терапией. В то же время профессионализм требует прочного основания за пределами наличной социальности, в которой правят деньги, успех и власть. Таким основанием при определенных условиях является призвание: «Призвание – это когнитивно-экзистенциальная настроенность на определенный вид деятельности, которая возникает раньше профессии как особой социальной роли и является ее важным личностным мотивом. Призвание при определенных условиях объективируется и приобретает профессиональный статус» [Касавин, 2020, с. 274]. Научное призвание есть избранность, которая переживается ученым как причастность архетипу, объединяющему Дедала, Фауста и Колумба. Изобретательность, пытливость и авантюризм – амбивалентные добродетели, побуждающие к творчеству и грозящие расплатой за посягательство на божественное всезнание и всеислие. Однако, если условия меняются и профессионализм попадает в определяющую зависимость от власти, в первую очередь от власти денег, решающим личностным мотивом становится успех, в измерении которого морально-ценностные факторы ослабевают или вовсе сходят на нет.

Дилемма Вебера во многом схватывает сложную реальность науки. Однако было бы неверно трактовать ее как фиксацию непреодолимого конфликта между призванием и профессией ученого в условиях современного мира. Она, например, иллюстрируется драмой Отто Гана, первооткрывателя процесса расщепления атомного ядра; узнав о применении атомных бомб в войне против Японии, он увидел свою вину в том, что так или иначе способствовал началу конца человеческой истории. Прекратил бы экспериментатор свои исследования, зная он наперед, к каким последствиям они приведут? Стал бы он взвешивать на весах поиск истины с надеждой на «прогрессивное» ее применение – и смерть сгоревших в атомном костре

людей, которую еще много десятилетий будут поминать как прецедент, оправдывающий возможные будущие «инциденты»? Разве это не было бы изменой профессии и бегством от нее? В 1945 г. Ган в отчаянии был близок к самоубийству, и это было попыткой бегства от жизни, ставшей невыносимой из-за душевных страданий. Однако Ган смог выйти из кризиса и в 1946 г. принял Нобелевскую премию, посвятив оставшуюся жизнь (до 1968) активной борьбе за прекращение производства, запрет распространения и применения атомного оружия. Можно ли считать эту его борьбу частью или развитием его профессиональной деятельности? Следуя М. Веберу, это логичное, хотя и не единственно возможное разрешение противоречия профессии и призвания.

Разве сфера экзистенциальных переживаний и сфера профессиональной деятельности ученого разделены непроходимыми барьерами? Должна ли в случае конфликта между ними одна из них быть вытеснена другой? Тогда «душевные травмы», как бы болезненны они ни были, никакого ощутимого влияния на ход и результаты научного исследования иметь не могут, если не считать нервных срывов и психических расстройств, зовущих к бегству от профессии (или даже от жизни). Это был бы обескураживающий вывод. От него бы шел путь к обобщениям, вроде тех, какие делал Г. Маркузе: «Концентрационные лагеря, массовое истребление людей, мировые войны и атомные бомбы вовсе не “рецидив варварства”, а безудержная реализация достижений современной науки, технологии и власти» [Маркузе, 1995, с. XXIV]. Легко заметить, что эта «безудержность» оказалась бы в ряду признанных ценностей профессионализма – ученого, политика или военного, – а не извращением человечности.

Барьеры все-таки есть, но каковы они, это во многом определено социально-культурным контекстом, то укрепляющим, то расшатывающим их. При некоторых обстоятельствах эти барьеры могут так истончаться, что соприкосновение названных сфер может вызывать диффузию. Примером этого является полемика Н. Бора с А. Эйнштейном, в которой сошлись в конфликте несогласные между собой картины мира и принципы человеческого познания. Она не была, как это могло бы показаться, чисто эпистемологической дискуссией о соотношении теории и экспериментов в физике микромира. В ее подоплеке обнаруживаются принципиальные расхождения в понимании глубинного смысла человеческого бытия, преломленного в экзистенциальном переживании. Оба мыслителя «оставались в плену» своих экзистенций, пытаясь найти им подпорку в интерпретациях теоретических конструкций; в свою очередь, сами эти конструкции возводились не только как инструменты объяснения экспериментов, они несли в себе импульсы, исходящие от экзистенциальных интуиций. В афоризме Эйнштейна “*Raffiniert ist der Herrgott, aber boshaft ist er nicht*” была только доля шутки.

Типы экзистенциальных ситуаций в науке

Экзистенциальное философствование о науке направлено на актуальность переживания ученых здесь и сейчас. Для философа науки, сосредоточенного на контексте открытия, актуален именно живой дискурс, которому свойственна внепарадигмальность, амбивалентность, недоопределенность фактами и теориями. Онтологический аналог такого дискурса – «жидкий мир» (З. Бауман), который зыбок и проницаем, связан с рисками, несомыми свободой.

Однако «свободное знание», как попперовский «третий мир», потому и свободно, что не ограничивает себя ничем: оно «освобождается» и от человечности, от социокультурной нагруженности. Объективированное, обезличенное, онаученное знание, воплощенное в том числе и в технологиях, характеризуется калейдоскопичностью, кинематографичностью (А. Бергсон, Д. Деннет). Оно на самом деле опирается на атомизацию индивида в условиях разрыва традиционных, социально-исторических (сословных, классовых) связей, на прозрачный и «плоский» характер капиталистической экономики. В таком знании, конечно, не полностью элиминирован его субъект, но оно может его решительно дезориентировать, заставить «раздваиваться», порождает амбивалентное сознание, погруженное в экзистенциальные коллизии.

Философское размышление об этих коллизиях ведет к переоценке гуманистического идеала знания как благотворного дара. Знание, как оно преломлено в этих размышлениях, побуждает человека к перманентному сомнению, ставит перед ним как будто нерешаемые задачи. Актуальность бытия не оставляет человека в покое, в равнодушии, в равновесии. Одновременно задача ученого – добиться именно такого «остраненного» (В. Шкловский, Б. Брехт) состояния, обеспечивающего объективность познания. «Остраненность» знания предполагает эпистемическую дистанцию от своего объекта.

Прежде всего, это знание о наличном status quo, где дистанция минимальна; знание о невидимом самом себе, включенном в актуальный контекст. И потому оно лишь частично обосновано фактами, ведь современность еще не завершена. Вместе с тем, пытаясь преодолеть эту неопределенность и набрать дистанцию, познающий субъект совершает концептуальный скачок, отваживается на суждение о будущем, которое по определению отличается новизной, несводимостью к прошлому. Это знание о том, чего нет даже в тенденции, поскольку тенденции суть отсылки к прошлому. Наконец, познающий субъект, сталкиваясь с такими трудностями, всякий раз пытается вернуться назад, почти без надежды на успех опереться на прошлое знание и тестировать новое на редукцию к старому, как продолжение некоторых тенденций, их экстраполяцию. Таковы три западни, поджидающие

объективное знание здесь и сейчас, а следовательно, и всякую науку как актуальное предприятие. В силу неустранимости этих препятствий и столь же высокой необходимости их преодолеть они выступают как условия пограничного опыта (*Grenzerfahrung*, Ясперс) в науке.

Два распространенных способа экзистирования в пространстве представляют собой пограничный опыт движения из центра на периферию и из периферии в центр. Успешный истеблишмент, занимая центральные позиции в науке, страдает и не может достичь утраченной свободы и живости мышления, свойственной юности, не обремененной обязанностями, статусами и всей прошлой историей. Научная молодежь и прекариат переживает из-за недостижимости тех возможностей, которыми обладают состоявшиеся ученые, ощущает неустойчивость своего статуса как эпистемическую несправедливость.

Границы самоопределения по отношению к прошлому, настоящему и будущему порождают три способа экзистирования в науке по времени. Во-первых, субъект постигает здесь пределы объяснения настоящего через прошлое, обнаруживая бесконечный регресс оснований и невозможность понять новое. Антифундаменталистская установка выливается в соответствующее экзистенциальное переживание: познание осознается как территория беспочвенности, утраты парадигмы, интеллектуальной традиции, как заброшенность в мир чуждых смыслов. Во-вторых, уникальность настоящего и потому трудность его категоризации порождает атеоретическую установку, не позволяющую осмыслить и связать наличные факты. В экзистенциальном плане этому соответствует переживание безвременья, утраченного поколения, лишнего человека. И в-третьих, открытость и непредсказуемость будущего проявляется в индетерминистской трактовке научных законов, в теоретизировании за гранью науки, как она понимается сегодня. Экзистенциальный коррелят этого – отсутствие перспективы, интеллектуальная стагнация, в пределе – культурная и социальная смерть познающего субъекта.

Экзистенциальные переживания ученого есть проявления научной культуры, в которой всякий опыт требует категоризации. То, что экзистенциалисты называют «экзистенциалами», в науке представляют собой архетипические сверхценности, диффундирующие в профессиональное сознание ученого. Это апелляции к тому, что решительно, даже бесконечно превосходит и связывает отдельные экзистенциальные переживания и в этом смысле может быть – с некоторым поэтическим усилием – названо Абсолютом (религиозная трактовка этого термина не является неременной), Природой или Культурой.

Отношения с Абсолютом зависят как от особенностей личности ученого (истории ее становления, соотношения реактивных и про-

активных характеристик, творческого воображения, нравственного чувства, эмпатии и других психологических черт), так и от социально-культурного контекста, в котором эти отношения реализуются. Можно различать основные типы экзистирования по тому, вокруг какой ипостаси Абсолюта, вокруг какого именно экзистенциала группируются отдельные коллизии и переживания ученого.

Переживание свободы занимает в этой типологии особое место. Ученый-профессионал следует интеллектуальным и моральным стандартам и нормам, принятым в научном сообществе, создающим условия для реализации личного потенциала; в известном смысле эти нормы *абсолютны*, поскольку ограничение свободы признается необходимым условием и положительной ценностью, а его несоблюдение порицается. Но «абсолютность» *относительна*: она сохраняется, пока гарантирует успех. Когда успешность снижается или падает, творческие способности могут реализоваться в «ересях». Так Л. Флек называл отклонения от «коллективного стиля мышления», доказывающие свою продуктивность более успешным формированием поля объясненных научных фактов [Флек, 1999]. Как подчинение «абсолюту», так и «ересь» причиняют экзистенциальные переживания; свобода творчества – не дар Божий, она вырастает из душевных движений, несущих личности то успех и радость, то неудачу и страдания.

Экзистирование может быть реакцией на противоречия, связанные с сознанием причастности к науке как личностному взлету от обыденности к идеалу, служение которому признается высоким долгом, призыванием, судьбой. Оно требует особой самоотверженности и самоконтроля, сверки своих умственных и духовных возможностей с идеалом. Экзистенциальное напряжение возникает и удерживается, если служение оказывается непосильным испытанием, а признание своего «служебного несоответствия» – мучительным. Такое переживание двояко: оно способно поднять планку личностного развития, но может вести и к ее падению (в этом одно из объяснений фактов научной недобросовестности, плагиата, подтасовки данных, карьерных ухищрений и т.п.).

Такой же двоякий характер имеют переживания, вызываемые восхищением и страхом перед истиной как «тайной бытия»: ее «*несокрытость*» (М. Хайдеггер) неудержимо притягивает к себе, вселяет гордость и рождает надежду, но в то же время обнажает подлинность человеческой малости, не сравнимой с абсолютным величием этой тайны (вспомним предсмертные слова Ньютона о том, что он самому себе представляется ребенком, играющим на берегу океана истины и подбирающим подаренные ему волнами камешки).

Другой вид экзистирования – соперничество с «евнухом души» (А. Платонов), способностью бесстрастного созерцания того, что открывается исследующему уму. Эта способность для своей максимальной реализации требует элиминации живого человеческого

отношения к познаваемому, а в идеале – его подмены некоей моделью (такая подмена намечена в системах искусственного интеллекта). Но «евнух души» не единственный ее обитатель, и само его присутствие в ней создает реальное напряжение экзистенции, к которому работа ученого не безразлична.

Особый и, вероятно, наиболее важный для философии науки тип экзистенциального переживания заключен в осознании разрыва между мифологическим «брендом» науки и ее реальным социальным статусом. В первом она предстает как воплощение гуманистической миссии: познание как инструмент благоденствия человечества – вплоть до обеспечения индивидуального телесного бессмертия и выполнения нравственных обязательств перед ушедшими в небытие поколениями). Во втором случае наука является типом договорной интеллектуальной деятельности, выполняющей заказ работодателя. В ней нет ничего сакрального, это такая же оплачиваемая работа, как и все другие, с тем лишь отличием, что она предусматривает длительный процесс образования и особой социализации. И мифическая, и социальная ипостась науки в высшей степени проблемна. В обоих случаях от человека требуется больше, чем он, как правило, может и готов дать. Быть благодетелем человечества – задача на разрыв аорты, но и посвятить себя учению на два десятилетия ради вполне умеренной заработной платы – задача не из легких. И потому специфически научные типы экзистирования (их полный перечень едва ли возможен) производны от особого эпистемического статуса науки, особой научной культуры. Она складывается из *конструктивной* и *критической* функций: с одной стороны, современная институциональная наука (совместно с развитой системой образования) создает возможность максимального развертывания когнитивно-творческого потенциала как наивысшего проявления природы человека; с другой стороны, именно это служит преодолению исторического пессимизма с его меланхолическими напоминаниями о безвозвратном «золотом веке» и прогнозами о «конце истории». Такое «складывание» дается нелегко, оно заводит в зону идеологических и мировоззренческих контrovers и потому вызывает соблазн не противиться лестной мифологии. Но этот соблазн «прочитывается» критическим сознанием как путь к филистерскому лицемерию: что совершенно недопустимо в научном исследовании, то оказывается приемлемым в размышлениях и чувствах, касающихся социального статуса в науке.

Заключение

Апофеоз творчества и неизбежное сознание собственной ограниченности; избыточность, противостоящая недостаточности человека, – в таком виде выступает главная экзистенциальная контрверза науки. Неустрашимость контрверз, разрывов и травм; незавершенность бытия, предвидящая свое завершение, но не смиряющаяся ни с первым, ни со вторым, – вот источник экзистенции. При этом экзистенция в науке не сводится к личным переживаниям ученого, но является социокультурным архетипом, главным фактором динамики коллективного, общающегося субъекта, который не позволяет ему успокоиться на достигнутом даже тогда, когда истина, казалось бы, уже в руках. Экзистенция – источник болезненного любопытства и новизны, но не истины, это демон Максвелла, который делает из ученого скитальца по Америкам, Вечного Жида расходящихся тропок. Эта миграционная ипостась человека проявляется в способности уйти в неведомое, поменять покой на неизвестность не по необходимости, а от скуки наличного бытия, в поиске новых проблем, демонстрируя и реализуя научное призвание как выделенность из толпы. Данный архетип не требует причинно-генетического объяснения, поскольку является первым историческим событием в антропогенезе и сам объясняет все последующие события.

Особенность экзистенциально-гуманистического подхода к науке состоит в понимании поиска смысложизненных ценностей вопреки жизненным обстоятельствам как особого типа когнитивного мужества. Экзистенциалисты формулировали данную мысль в общем виде [Тиллих, 1995; Франкл, 1990]. Пограничное сознание в науке является экзистенциальной платой за творчество и свободу, к которым стремится познающий субъект. Применительно к философии Г.Г. Шпет выразил эту мысль так: «Философия всегда – тревога, всегда – притязание, всегда – беспокойство, – философ не имеет пристанища; и в этом самая большая ценность философии – свобода» [Шпет, 2005, с. 176].

Ученый, если он создает историю и выступает как исторический субъект, подобен актеру, забывшему, что он на сцене, или поэту, сквозь сердце которого прошла трещина мира. История «не читки требует с актера, а полной гибели всерьез». Отсюда возникает потребность в «экзистенциальном повороте», придающем экзистенциальной философии науки специфику по сравнению с близкими подходами. Так, историческая эпистемология принимает историческое событие как безусловное и априорное условие последующей истории. Социальная эпистемология же претендует на выявление истоков и предпосылок исторического события. И они обе нуждаются в экзистенциальной философии науки для понимания природы

субъекта познавательной истории – человека, чей когнитивный опыт разворачивается на перекрестке пограничных переживаний и смысло-жизненных паттернов. Это человек, который перед лицом общепринятых теорий, социальных ролей и психологических стереотипов руководствуется приматом существования перед сущностью и самоопределяется как свободное существо.

Список литературы

Вебер, 1990 – *Вебер М.* Наука как призвание и профессия / Пер. с нем. А.Ф. Филиппов, П.П. Гайденко // *Избранные произведения.* М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.

Гильберт, Малкей, 1987 – *Гилберт Д., Малкей М.* Открывая ящик Пандоры: Социологический анализ высказываний ученых. М.: Прогресс, 1987.

Ильенко, 1971 – *Ильенков Э.В.* Гуманизм и наука // *Наука и нравственность.* М.: Политиздат, 1971.

Касавин, 2020 – *Касавин И.Т.* Наука – гуманистический проект. М.: Весь Мир, 2020.

Касавина, 2022 – *Касавина Н.А.* Экзистенция и культура. М.: Весь Мир, 2022. С. 348–367.

Лекторский, 1994 – *Лекторский В.А.* Идеалы и реальность гуманизма // *Вопросы философии.* 1994. № 6. С. 22–28.

Маркузе, 1995 – *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. Киев: ИСА, 1995.

Тиллих, 1995 – *Тиллих П.* Мужество быть // *Избранное: Телеология культуры.* М.: Юрист, 1995. С. 7–131.

Флек, 1999 – *Флек Л.* Возникновение и развитие научного факта. Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива / Пер. с нем. М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 1999.

Франкл, 1990 – *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

Шпет, 2005 – *Шпет Г.Г.* Мысль и Слово. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2005.

Шрёдингер, 2001 – *Шрёдингер Э.* Наука и гуманизм. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001.

Юдин, 2018 – *Юдин Б.Г.* Человек. Выход за пределы. М.: Прогресс-Традиция, 2018.

Ярошевский, 1995 – *Ярошевский М.Г.* Историческая психология науки. СПб.: Издательство Международного фонда истории науки, 1995.

References

Fleck, L. *Vozniknovenie i razvitie nauchnogo fakta. Vvedenie v teoriyu stilya myshleniya i myslitel'nogo kollektiva* [Entstehung und Entwicklung einer wissenschaftlichen Tatsache Einführung in die Lehre vom Denkstil und Denkkollektiv]. Moscow: Idea-Press, 1999. (Trans. into Russian)

Frankl, V. *Chelovek v poiskakh smysla* [Man's Search for Meaning]. Moscow: Progress, 1990. (Trans. into Russian)

Gilbert, D., Malkey, M. *Otkryvaya yashchik Pandory: Sotsiologicheskii analiz vyskazyvaniy uchenykh* [Opening Pandora's Box: A Sociological Analysis of Scientists' Discourse]. Moscow: Progress, 1987. (Trans. into Russian)

Ilyenkov, E.V. "Gumanizm i nauka" [Humanism and Science], *Nauka i nravstvennost'* [Science and Morality]. Moscow: Politizdat, 1971, 439 pp.

Kasavin, I.T. *Nauka – gumanisticheskii proekt* [Science: A Humanist Project]. Moscow: Ves' Mir, 2020.

Kasavina, N.A. *Ekzistentsiya i kul'tura* [Existence and Culture]. Moscow: Ves' Mir, 2022. (In Russian)

Lektorskiy, V.A. "Idealy i real'nost' gumanizma", *Voprosy filosofii*, 1994, no. 6, pp. 22–28. (In Russian)

Marcuse, H. *Eros i tsivilizatsiya* [Eros and Civilization]. Kiev: ISA, 1995. (Trans. into Russian)

Schrödinger, E. *Nauka i gumanizm* [Science and Humanism: Physics in Our Time]. Izhevsk: NITs "Regulyarnaya i khaoticheskaya dinamika", 2001. (In Russian)

Shpet, G.G. *Mysl' i Slovo. Izbrannye Trudy* [Thought and Word: Selected Works]. Moscow: ROSSPEN, 2005. (In Russian)

Tillich, P. "Muzhestvo byt'" [Der Mut zum Sein], in: *Izbrannoe: Teleologiya kul'tury* [Selected Works: Teleology of Culture]. Moscow: Yurist, 1995. (In Russian)

Weber, M. "Nauka kak prizvanie i professiya" [Wissenschaft als Beruf], in: *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works], trans. by A.F. Filippov, P.P. Gaidenko. Moscow: Progress, 1990, pp. 707–735. (Trans. into Russian)

Yaroshevskii, M.G. *Istoricheskaya psikhologiya nauki* [Historical Psychology of Science]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Mezhdunarodnogo fonda istorii nauki, 1995. (In Russian)

Yudin, B.G. *Chelovek. Vykhod za predely* [Human Being: Going Beyond]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2018. (In Russian)